
ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW

УДК 001.89

«Я РАНО, ДАЖЕ ПО ТЕМ ВРЕМЕНАМ, УШЕЛ ВО “ВЗРОСЛУЮ” ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ...»

В. В. КИРИЕНКО¹⁾, А. Н. ДАНИЛОВ²⁾

¹⁾Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
пр. Октября, 48, 246029, г. Гомель, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В связи с юбилеем доктора социологических наук, профессора В. В. Кириенко представлено его интервью главному редактору журнала А. Н. Данилову. Известный белорусский социолог рассказал о своем жизненном пути, родителях, семье и детстве, становлении в науке, исследовательских проектах, научных учителях и коллегах, а также о проблемах, с которыми сталкиваются социологи, и поделился уникальным профессиональным опытом. Особое внимание в разговоре уделено актуальным проблемам современного общества, а также работе социологической лаборатории Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого, созданной В. В. Кириенко. Затронуты вопросы развития современной социологической науки в контексте новых вызовов и угроз, требования, предъявляемые временем к современным исследованиям, и связанные с этим проблемы совершенствования социологического образования.

Ключевые слова: В. В. Кириенко; история социологии; социологическая лаборатория; Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого; Институт социологии НАН Беларуси; Белорусский государственный университет; менталитет славян; интеграционные процессы; Е. М. Бабосов; социологические проекты; социологическое образование.

Образец цитирования:

Кириенко ВВ, Данилов АН. «Я рано, даже по тем временам, ушел во “взрослую” производственную жизнь...». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2026;1:69–75.
EDN: EJCBSO

For citation:

Kirienko VV, Danilov AN. «Even at that time, I entered an “adult” industrial life early...». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2026;1:69–75. Russian.
EDN: EJCBSO

Авторы:

Виктор Васильевич Кириенко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета, научный руководитель социологической лаборатории.

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Viktor V. Kirienko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines, faculty of economics and humanities, and scientific supervisor of the sociology laboratory.
kirienko@gstu.by

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.vitebsk55@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

«EVEN AT THAT TIME, I ENTERED AN “ADULT” INDUSTRIAL LIFE EARLY...»

V. V. KIRIENKO^a, A. N. DANILOV^b

^aSukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastychnika Avenue, Gomel 246029, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.vitebsk55@gmail.com)

Abstract. This is an interview with the renowned Belarusian sociologist, doctor of science (sociology), professor V. V. Kirienko, conducted by the journal's editor-in-chief, professor A. N. Danilov, on the occasion of his anniversary. He spoke about his life journey, his parents, family, childhood, path into academia, research projects, academic mentors and colleagues, and the challenges faced by sociologists, and shared his professional experience. The conversation focused particularly on pressing issues in contemporary society, and the work of the sociology laboratory of the Sukhoi State Technical University of Gomel established by V. V. Kirienko. They also discussed the development of modern sociological science in the context of new challenges and threats, the demands that the times place on contemporary research, and, in this regard, the challenges of improving sociological education.

Keywords: V. V. Kirienko; history of sociology; sociology laboratory; Sukhoi State Technical University of Gomel; Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus; Belarusian State University; Slavic mentality; integration processes; E. M. Babosov; sociological projects; sociology education.

Виктор Васильевич Кириенко – известный ученый, посвятивший плодотворной работе в области социологии много лет. Его путь в профессию, как и сама жизнь, по-своему уникален. Профессор В. В. Кириенко выступает не просто в роли стороннего наблюдателя или заинтересованного свидетеля исторических трансформаций – он является их непосредственным участником. В своих исследованиях ученый стремится определить, насколько его собственное, глубоко осмысленное видение социальных процессов соотносится с общественными настроениями и массовым сознанием.

Как социолог Виктор Васильевич анализирует перспективы общественного развития и видит свою миссию в поиске решений, способных направить современные глобальные процессы в русло национальных интересов. Его научные труды детально отражают состояние современного социума, а его интерпретации служат надежным инструментом для понимания запросов общества.

Научный подход В. В. Кириенко отличают самобытность, опора на богатый жизненный опыт и объективную реальность. В его работах нет места манипуляциям с данными в угоду обстоятельствам. Это честный ученый, который никогда не подстроит результаты исследований под чужие интересы. Бескомпромиссное следование профессиональной этике и законам совести обеспечивает высокое доверие к его трудам и укрепляет авторитет отечественной науки в меняющемся мире.

Александр Данилов: Виктор Васильевич, Вы относитесь к первому послевоенному поколению, у Вас интересная и непростая судьба: родились в Сибири в большой крестьянской семье, а, собственно, многое в жизни состоялось в Беларуси, которая стала для Вас родной. Расскажите, пожалуйста, о своих родителях, семье и о том, как проходило детство.

Виктор Кириенко: Начнем с того, что я возглавляю первый послевоенный «призыв» – поколение, которое называют «детьми Победы». Мои родители, простые деревенские жители, вряд ли задумывались о латинском происхождении имени Виктор и едва ли слышали в сибирском селе о богине Виктории. Тем не менее символизм в моем имени, безусловно, присутствует. Правда, в детстве полным именем меня никто не называл: ни родные, ни сельчане. Отец и мать чаще всего обращались ко мне по-домашнему «Витьк».

Так сложилось, что у меня одна большая Родина – Советский Союз – и две малые: Кулундинская лесостепь в Сибири и город Гомель в Беларуси. Мои родные места в Сибири не похожи на привычные представления о бескрайней глухой тайге. Кулунда – это пограничная полоса, отделяющая безлесные степи Казахстана от сибирских лесов; живописная лесостепь, где равнины перемежаются водной гладью озер и «колками» (в народе они назывались околками) – островками березовых и осиновых рощ.

В первые послевоенные годы, которые отчетливо зафиксировались в моей памяти, День Победы еще не отмечался так масштабно, как сейчас – ни на государственном уровне, ни в семьях. Да и как было праздновать, если война опалила практически каждый дом? В одних избах оплакивали погибших, в других ждали вестей о «пропавших без вести», а в третьих жили вернувшиеся с фронта калеки.

До сих пор перед глазами стоит картина: фронтовики, потерявшие ноги, передвигались на самодельных деревянных колодках с прикрепленными снизу подшипниками. В будни, когда все трудились, их почти не было видно. Однако в местах массового скопления людей они собирались обязательно. Ни в нашей деревне, ни в районном центре Купино тогда не было церквей, на паперти которых могли бы

стоять просящие. Главным местом встреч была базарная площадь в торговые дни.

Я до сих пор помню, как они пели. Их бесхитрое исполнение трогало до слез: «Ты прости меня, Прасковья, что я пришел к тебе такой... Хотел я выпить за здоровье, а пить пришлось за упокой». В то суровое время шла жесткая борьба с самотоварением, но люди все равно находили способ угостить калек – кто чем мог. Подчеркну: в народе их называли именно калекими, слов «инвалид» или «ветеран войны» в обиходе еще не знали. Обидеть такого человека считалось страшным грехом, поэтому делились и тем, что привозили на продажу, и тем, что покупали сами. Женщины, хранившие казенные письма о пропавших без вести родственниках, пытались расспросить их: не встречались ли на дорогах войны, не воевали ли на одном участке фронта? Удивительно, но между этими маломобильными людьми существовала крепкая связь – своего рода прообраз будущих ветеранских организаций, и это в условиях, когда о телефонах в деревне никто даже не слышал.

Из-за отсутствия храмов и духовенства религиозность моих земляков и родителей была очень своеобразной. Ее могли бы раскритиковать как советские партийные органы – за сам факт празднования, так и официальная церковь – за несоблюдение церковных ритуалов. В своеобразных народных «святах» – перечне дат, которые непременно следовало отмечать, – наряду с советскими Первомаем и Октябрем всегда стояли Пасха, Троица и Рождество.

К любым праздникам сельчане готовились тщательно. Отмечали их вскладчину. По очереди собирались в домах родственников и соседей. Приходили в гости со своими нехитрыми угощениями: винегретом, киселем, который варили таким густым, что ели ложками, и домашним холодцом. Последний готовился, говоря современным языком, исключительно из натуральных продуктов – других тогда просто не существовало.

Шли в гости по деревне неспешно. Это выглядело очень торжественно. С собой люди несли закуски, бережно завязанные в узелки из женских платков. В узелках обязательно находилась бутылка домашнего самогона, заткнутая газетной пробкой. Само застолье всегда было с душевными песнями и незамысловатыми танцами.

А. Д.: *Давайте попробуем пройти по лабиринтам Вашей памяти. В своей биографии Вы писали, что в послевоенной сибирской деревне женщинам приходилось работать не только за отсутствующих мужчин, но и за лошадей, мобилизованных на фронт. Как жило село в те годы?*

В. К.: Сказать, что деревня тогда жила трудно – значит ничего не сказать. С другой стороны, сельчане просто не знали иной жизни, и сравнивать свои тяготы им было не с кем.

Постепенно жизнь после войны налаживалась. Возвращались фронтовики: кто после тяжелых ранений и контузий, кто с ампутированными конечностями. Деревня затягивала раны. Предстояло восстановить утраченную тягловую силу – лошадей и трактора. В первые послевоенные годы не только приусадебные огороды, но и колхозные поля приходилось пахать на волах, а порой и на коровах. Именно тогда я узнал ярмо не как литературную аллегорию угнетения – передо мной было реальное тяжелое деревянное приспособление. Его нужно было водрузить на шеи двух волов, а затем с помощью длинной палки и команд «цоб-цобе» управлять этими упрямыми животными.

Крестьянам в колхозах тогда не платили регулярную заработную плату в ее привычном, городском понимании. За работу начислялись трудодни. На них после уборки урожая и выполнения колхозом обязательств перед государством выдавали натуроплату: зерно, сено и солому. Чтобы рассчитывать на эти продукты, колхозники, включая женщин-домохозяек, должны были выработать установленный минимум трудодней. Настоящую связь с коллективным хозяйством мы ощущали, когда отец привозил с мельницы свежемолотую муку из заработанной пшеницы.

Большую часть продуктов сельские семьи обеспечивали себе сами. Минимум, который был у каждого крестьянина, – это огород, корова, овцы, свиньи и куры. Отец, как и большинство мужчин, с утра до ночи пропадал на колхозной работе, поэтому ведение домашнего хозяйства ложилось на плечи матери и нас, подростков.

С малых лет за деревенскими детьми закреплялись нешуточные обязанности: принести с сеновала сено и солому, накормить коров, овец, свиней и кур, наносить из колодца воды для дома и обитателей скотного двора, почистить сарай от навоза, заготовить дрова. Зимой добавлялась еще одна обязанность – борьба со снежной стихией: расчистка подходов к дому, колодцу и сараям.

Летом подростки наравне со взрослыми включались в аграрный цикл. Главным делом для деревенских мальчишек была заготовка сена. Практически все плодородные черноземы использовались под пашню и пастбища для колхозного и домашнего скота. Из-за этого заготовку корма для животных проводили на Аполихе – прибрежной территории озера Чаны, которое у нас называли западносибирским морем. Зимой эта местность замерзала, весной превращалась в болото, а к лету подсыхала.

Расстояние в 25–30 километров сегодня кажется незначительным, но на транспорте мощностью в одну лошадиную силу путь занимал несколько часов. Работников завозили туда надолго, организуя питание на месте. Меню было незамысловатым, но сытным: борщ, в котором плавал главный в сибирский

летний зной деликатес – кусок солонины. В металлической миске подавалось блюдо «два в одном» – и первое, и второе.

Питьевой воды на Аполихе не было. Сначала ее возили из деревни на лошадях, позже – на «полutorке». Приезда машины мы, пацаны, ждали как манны небесной. В скромной котомке мать передавала кусочек пожелтевшего от хранения сала, пару вареных яиц, бутылку молока с пробкой из газеты и огурцы с грядки. Такое «домашнее меню» иногда дополняли лесные ягоды, собранные в своем огороде, но чаще – в поле или березовой роще – в околке.

Работа подростка казалась немудреной: сидя верхом на лошади, подвозить высушенную траву на волокуше к месту складирования – скирде. Волокуша представляла собой несколько срубленных молодых березок с ветками, прикрепленных к поперечному бревну. В свою очередь, при помощи гужей хомут, одетый на шею лошади, соединялся с волокушей. Женщины и подростки вилами накидывали сено на волокушу, а взрослые мужчины длинными вилами подавали его наверх «скирдоправу», который по только ему известным правилам укладывал скирду. Она должна была иметь правильную форму, чтобы осенние дожди скатывались по ней, не проникая внутрь.

Самым большим неудобством в данной работе была не столько сама технология переволакивания сена, сколько изнуряющая сибирская жара и полчища крупных оводов – «зыков». При малейшей возможности они впивались в лошадей. На сенокосе, в отличие от повседневной деревенской жизни, полагалось быть в брюках и сапогах. Седла для этой работы не предусматривалось: вместо него использовали старую телогрейку. Однако и она не спасала от жестких потертостей. К тому же во время езды штанины постоянно выбивались из сапог, обнажая ноги, в которые с адской болью тут же впивались «зыки».

А. Д.: *Пришло время, и Вас призвали на срочную службу, которую Вы проходили в Группе советских войск в Германии. Что Вы вынесли за три года службы и с каким настроением демобилизовались?*

В. К.: О том, что нашу команду на курсах молодого бойца в большом полевом лагере под Новосибирском готовят для особых войск, мы узнали от «дембелей», назначенных в качестве наших командиров. В то время старослужащим, собиравшимся поступать в вузы или техникумы, на время вступительных экзаменов предоставлялся отпуск. В случае успешного зачисления служба для них заканчивалась, а те, кто не поступил, возвращались дослуживать свой срок в учебные части и на сборы. Нашим командирам тогда не повезло с поступлением, поэтому «гоняли» они нас по полной программе. Не раскрывая военной тайны, они лишь многозначительно предупреждали, что эти нагрузки – еще только «цветочки».

О том, что выполнять воинский долг нам предстоит за границей, мы окончательно поняли только на перроне, перед отправлением литерного (специального) поезда. Заиграл оркестр, раздались звуки марша В. Агапкина «Прощание славянки», и кто-то из провожающих крикнул: «Ребята, надежно охраняйте Родину и возвращайтесь домой живыми и здоровыми!»

В послевоенные десятилетия никому не нужно было объяснять, зачем нужны защитники Отечества. Служба в Вооруженных силах – или, как говорили в деревне, в Армии – воспринималась как нечто абсолютно естественное, наряду с работой в колхозе или учебой в школе. Традиционные родительские напутствия вроде «В армии послужишь – ума наберешься» или «Там из тебя всю дурь выбьют» не несли в себе негативного подтекста. Проводы на службу, как и возвращение домой, становились неординарными событиями для всей деревни.

Если же говорить языком социологии, для сельской молодежи тех лет служба в армии выступала «вертикальным лифтом». Она давала деревенским парням реальную возможность изменить не только место жительства, но и сферу деятельности. Страна тогда проходила этап ускоренной модернизации и индустриализации, и город развивался во многом за счет притока молодых кадров из деревни.

А. Д.: *Как получилось, что городом Вашей судьбы стал белорусский Гомель, а родным домом, как Вы постоянно подчеркиваете, – флагман сельскохозяйственного машиностроения «Гомсельмаш»? Здесь Вы постигали премудрости жизни в трудовом коллективе, проходили рабочие университеты, раскрывали для себя законы жизни открывали себя, прошли путь от ученика слесаря до освобожденного заместителя секретаря парткома производственного объединения. После службы в Вооруженных силах Вы без отрыва от производства окончили вечернюю школу рабочей молодежи, а затем отделение философии БГУ. Расскажите, пожалуйста, почему именно философия, и как Вы относитесь к учебе без отрыва от производства?*

В. К.: Почему философия – интересный вопрос. Сказать, что это увлечение досталось мне по наследству, нет никаких оснований: ни среди ближайшей, ни среди дальней родни гуманитариев не было. Вполне логично для меня было бы стать зоотехником – ведь я вырос среди домашних животных – или инженером-механизатором. О нашем поколении говорили, что мы сначала овладевали сельхозтехникой любой сложности, а уже потом велосипедом.

Возможно, одной из причин выбора философии своим призванием стало то, что я рано, даже по тем временам, ушел во «взрослую» производственную жизнь. В неполные 16 лет, после окончания восьмилетки, движимый неосознанной потребностью помочь родителям, я устроился работать в местный совхоз. Многие мои сверстники продолжили учебу

в райцентре Купино. До него было 10 километров – по сибирским меркам недалеко, но каждый день надо было добираться пешком, а в зимние бураны ты не набегаешься. Для обучающихся родители снимали комнату или «угол» в райцентре, и домой они приезжали только на выходные. В деревне же домашнее хозяйство требовало каждодневного труда. Моя старшая сестра Нина уже имела свою семью и жила в Купино, брат Николай поступил в военное училище, брат Иван тоже уехал из Новониколаевки. Из послевоенных детей старшим был я. Решение остаться работать в совхозе я принял спонтанно: родители не настаивали на продолжении учебы, но и не запрещали.

Необходимость учиться в полной мере я осознал (скажем, прочувствовал всеми фибрами души) во время службы в Группе советских войск в Германии, куда был призван в сентябре 1965 г. Срок службы тогда составлял три года, и вернуться на гражданку я должен был осенью 1968-го. Сказать, что я ждал этого дня – ничего не сказать. Как и все старослужащие, мы вели отсчет дней до дембеля и строили планы. Для себя я твердо решил, что получу среднее образование в вечерней школе или техникуме, а затем буду поступать в институт.

Однако жизнь внесла свои коррективы. Хрупкий послевоенный мир в Европе в очередной раз вошел в пике. В августе 1968 г. произошли чехословацкие события. Нашу дивизию туда не перебрасывали, но боевая готовность отсрочила все дембельские планы: срок службы нам продлили до декабря.

Наконец пришел долгожданный приказ министра обороны об увольнении в запас. Нас возвращали к месту призыва, в Новосибирск, литерным поездом. По территории Германии и Польши мы ехали в деревянных «теплушках» с нарами и печками-буржуйками. Отапливались они, как и многие дома в ГДР, «брикетками» из прессованного бурого угля с мазутом. Сморд стоял сильный, но для нас это уже не имело значения – мы возвращались на Родину.

После пересадки в Бресте в плацкартные вагоны мы поехали по своей стране. За три года влажных прибалтийских зим возвращаться в родную сибирскую стихию было непросто. Ощущения тех дней емко передают знаменитые строки: «А за окном все так же стонут провода, и поезд мчит меня в сибирские морозы».

Интересная деталь: увольняться в запас можно было либо в теплом бушлате, который пригодился бы на гражданке, либо в парадной шинели – для быта бесполезной, но создававшей романтический образ солдата. Я выбрал шинель. Все положенные три дня, которые отводились для постановки на учет в военкомате, я, промерзая, дефилировал по улицам. Образ защитника Отечества тогда открывал двери не только на рабочие места, но и к девичьим сердцам. К слову, в то время вопрос «Могут ли жених и невеста быть ровесниками?» часто решался суро-

вой жизнью: пока юноши три-четыре года служили, их школьные сверстницы на гражданке, как правило, уже успевали выйти замуж и родить детей.

На семейном совете коллективно решили, что мне лучше обустроиваться поближе к старшему брату – военному авиатору, который служил в гарнизоне под Гомелем. Первое время мне обещали выделить там «угол». Однако по прибытии обстоятельства изменились, и задерживаться у брата надолго было нельзя. Я стал ходить по гомельским предприятиям. Демобилизованного солдата брали охотно, но никто не давал жилья. И только на «Гомсельмаше» мне пообещали место в общежитии через пару месяцев. Так определилась моя гомельская судьба.

Я был принят учеником слесаря-инструментальщика в инструментальный цех. В отличие от слесарей-сборщиков, инструментальщик осваивал профессию и получал разряд, а также оплачиваемую работу только через 3–4 месяца. Все это время ученик жил на скромные «ученические», размер которых с каждым месяцем снижался. Работы я не боялся: оставался после смены, а в выходные дни подрабатывал слесарем-сборщиком на главном конвейере. Там за смену сразу платили наличными 10 рублей, что очень выручало.

В ту первую, практически безденежную зиму я нашел еще один оригинальный способ пропитания. На базе заводского летнего пионерского лагеря в зимние месяцы открывалась спортивная база. По субботам и воскресеньям цеха и отделы проводили там соревнования по лыжным гонкам. Участники возили на заводских автобусах и кормили бесплатно. Цеховые спорторганизаторы быстро меня «вычислили»: слух о том, что в инструментальном появился лыжник, готовый без долгих уговоров пробежать любую дистанцию, разнесся мгновенно. Меня начали приглашать на выходные активисты из других цехов и отделов, и я с удовольствием выступал за них – разумеется, под фамилиями их сотрудников.

А. Д.: *Так получилось, что после окончания аспирантуры БГУ в 1990 г. Вы одним из первых защитили кандидатскую диссертацию по социологическим наукам в только что созданном академическом Институте социологии. Почему все-таки социология? Когда и при каких обстоятельствах Вы впервые прикоснулись к этой науке, кто были Ваши учителя и как изменилась Ваша жизнь после защиты? Проснулись ли Вы знаменитым на следующее утро?*

В. К.: Аспирантуру в БГУ я окончил заочно, продолжая работать на «Гомсельмаше». К моменту завершения учебы у меня уже была солидная база опубликованных работ и уникальный практический опыт по внедрению бригадных форм организации труда, однако я никак не мог окончательно определиться с концепцией завершения работы. Будучи лично знакомым с Евгением Михайловичем Бабосовым, я при встрече попросил его о помощи. Ознакомившись с материалами моих исследований, он внес

несколько принципиальных корректировок. Изначально работа планировалась к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук в Институте философии и права Академии наук БССР. Однако к моменту представления работы в совет из Института философии выделился самостоятельный Институт социологии, при котором был создан совет по защите диссертаций. Директором нового института и председателем совета стал Е. М. Бабосов. Для начала функционирования совета требовались первые соискатели. Выбор пал на меня, тем более что моя диссертация изначально готовилась на стыке с социальной философией. Было принято решение оперативно перепрофилировать готовую работу под специальность «Социология труда и экономическая социология». Для этого мне пришлось дополнительно сдать еще один государственный экзамен.

Чтобы первый в истории белорусской социологии блин не оказался комом, моим первым официальным оппонентом назначили патриарха отечественной социологической школы – профессора Георгия Петровича Давидюка. Процедура защиты выдалась непростой: 1990 г. был пронизан острыми противоречиями переходного периода, к тому же мой статус секретаря парткома накладывал свой отпечаток и не добавлял мне бонусов. Тем не менее защита прошла успешно, без единого «черного шара». Так, совершенно незапланированно, под опекой двух светил белорусской науки – Е. М. Бабосова и Г. П. Давидюка – я защитил первую в Беларуси кандидатскую диссертацию по социологии. Диплом кандидата наук мне выдали еще советского образца.

Защита докторской диссертации для любого ученого – это главная вершина профессионального роста. Между моими кандидатской и докторской защитами прошло почти 16 лет. В докторантуре я не учился, подготовку монографии совмещал с тяжелой административной нагрузкой на посту проректора по учебной и воспитательной работе Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого.

В жизни мне везет на хороших людей, но на защите докторской диссертации без «черных шаров» все же не обошлось. Было обидно это осознавать, ведь ни на предварительных этапах, ни в процессе самой дискуссии никаких существенных письменных или устных замечаний, из-за которых работу можно было бы «забраковать», не прозвучало.

Однако один достаточно серьезный для того времени «недостаток» у диссертации все-таки имелся. И крылся он непосредственно в названии: «Менталитет славян и интеграционные процессы». Дело в том, что начало 2000-х гг. для некоторой части научной элиты постсоветского пространства было периодом сильного увлечения евроцентризмом. Многие исследователи уютно чувствовали себя на европейских грантах. А тут – славянская интеграция...

Наш специализированный совет был компактным, и при желании можно было вычислить, кто именно из евроориентированных коллег проголосовал против. Но, посоветовавшись с Е. М. Бабосовым, не стал этого делать. По давней академической традиции, авторы «черных шаров» на послезащитном банкете не присутствуют. Ко мне же пришли все члены совета и дружно поздравляли с успехом.

Конечно, я переживал, тем более что утверждение документов в Высшей аттестационной комиссии затянулось, и диплом доктора мне какое-то время не выдавали. Однако причина этой задержки оказалась простой. Знающие люди сказали мне по секрету, что документ мне вручит лично Глава государства. Так и произошло: на торжественном приеме, приуроченном к Дню белорусской науки, диплом доктора наук я получил из рук Президента Республики Беларусь. Именно тогда пришло окончательное понимание, что славянское единство – это не просто тема моих научных изысканий, а жизненно важное геополитическое направление, которое нуждается в глубокой научной и идеологической защите. На этой принципиальной позиции я стою и сегодня.

А. Д.: *Специалисты в Вашей профессиональной сфере хорошо знают работу социологической лаборатории, созданной Вами в Гомельском государственном техническом университете имени П. О. Сухого. Ваша исследовательская группа обрела свое уникальное научное лицо, сфокусировавшись на теме славянского менталитета. Расскажите, пожалуйста, подробнее о трудностях разработки этой тематики и о достигнутых результатах.*

В. К.: Когда в стране произошли радикальные изменения, ознаменовавшие завершение советской эпохи, я в течение двух лет работал в должности доцента. За это время мне удалось юридически и фактически оформить социологическую лабораторию, руководством которой я занимаюсь и сегодня.

Необходимость исследования феномена менталитета как базового фактора, предопределяющего особенности социальных процессов в любых, даже кризисных условиях, стала для меня очевидной в «лихие девяностые» – в период тотальной дезинтеграции и «парада суверенитетов» постсоветских политических элит.

Академик Е. М. Бабосов, обладавший уникальными связями в международных научных кругах, не просто поддержал данную идею. Он внес неоценимый вклад в то, чтобы наша инициатива стала настоящей международной и объединила усилия ученых из разных славянских государств. Долгое время на гомельской площадке на постоянной основе встречались, дискутировали и предлагали свои варианты интеграционных моделей ученые-гуманитарии из Беларуси, России, Украины, Польши и Болгарии.

Первую международную конференцию «Менталитет восточных славян и интеграционные процес-

сы: история, современность, перспективы» на базе нашего университета мы организовали в 1999 г. С тех пор она проходит регулярно, один раз в два года. В 2025 г. прошел уже четырнадцатый по счету научный форум.

А. Д.: *И все же, меняется ли менталитет славян под воздействием новых вызовов времени? Каковой Вам видится перспектива социологической науки, и какие тенденции Вы бы отметили как наиболее актуальные?*

В. К.: Нет ничего вечного под луной – это абсолютная максима. Она в полной мере относится и к национально-этническому менталитету, который изучает наша исследовательская группа. Социальные процессы развиваются нелинейно, они гораздо сложнее, чем кажутся на первый взгляд. Это отчетливо видно на примере славянского движения. На стыке тысячелетий, и особенно в первой четверти XXI в., всем стало понятно, что противоречий в славянском мире только прибавляется, а значимость этой проблематики растет с каждым годом.

Особую остроту вопросы соразмерности национальной, гражданской, профессиональной и семейно-

брачной идентичностей приобретают сегодня – в условиях стремительной интеллектуализации, цифровизации экономики и развития современных средств социальных коммуникаций. Интенсификация интеграционных процессов неизбежно ведет к конвергенции ментальных характеристик и социальных норм, к «размыванию» традиционных индикаторов самосознания. Трансформация гражданской и социально-профессиональной идентичности напрямую меняет структуру и качество поведения населения. Мы продолжаем мониторинг этих процессов и видим, насколько наши социологические данные востребованы самой жизнью.

А. Д.: *Спасибо Вам большое, дорогой Виктор Васильевич, за глубокую и содержательную беседу. Вы прошли большой жизненный путь. Из Ваших ответов очевидно, что этика, сформированная еще в детстве суровым послевоенным укладом, до сих пор определяет ваши ориентиры и помогает находить верные решения на самых крутых поворотах истории. Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии и новых успехов в Вашей важной научной и общественной деятельности!*

Статья поступила в редколлегию 31.01.2026.
Received by editorial board 31.01.2026.